

Hoffmann J. Rosyjscy sojusznicy Hitlera. Własow i jego armia. Warszawa : Wydawnictwo : Bellona, 2008.

Maslov A. A. Captured Soviet Generals. The Fate of Soviet Generals Captured by the Germans 1941–1945. London : Frank Cass ; Portland : Oregon, 2001.

Maslov A. A. Red Army Generals Repressed during the Soviet-German War, 1941–1945. P. 2 : The Western and Northwestern Axes, July-September 1941 // J. of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26. P. 551–575.

Rybak A. Stalag 319 w Chełmie. Zarys dziejów. Chełm : Chełmskie Towarzystwo Regionalne, Stowarzyszenie Bibliotekarzy Polskich Zarząd Oddziału w Chełmi, 2004.

Snyder T. Skrwawione ziemie. Europa między Hitlerem i Stalinem. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi, 2011.

УДК 94(470.55).084.6/.084.9:329

Р. Ш. Хакимов

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРИВИЛЕГИЙ ДЛЯ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО АКТИВА В 1930–1950-е гг. (на примере Челябинской области)

В статье проанализированы направления складывания системы привилегий партийно-советского актива в Челябинской области. Выявлены ее основные особенности: всеохватность и всеобщность включения в систему получения льгот и привилегий работников всех структур власти; иерархичность; полная закрытость; консолидация номенклатуры на основе системы привилегий; фактическая ее незаконность.

К л ю ч е в ы е с л о в а : привилегии, бюро обкома ВКП(б), партийно-советский актив, лечение, питание, материальная помощь.

Одним из отличий Советского государства было фактическое сращивание господствующей Коммунистической партии с государством. При формальном существовании органов законодательной и исполнительной власти в форме съездов Советов, Верховных Советов и исполнительных комитетов, президиумов Советов разных уровней (союзных и автономных республик, краевых, губернских, областных, городских, окружных, районных, сельских), Совета народных комиссаров/Совета министров и наркоматов/министерств фактическая власть принадлежала партийным комитетам (ЦК РКП(б)/ВКП(б)/КПСС, ЦК компартий республик, крайкомам, обкомам, горкомам, окружкомам, райкомам), хотя ни в одной Конституции РСФСР – СССР, вплоть до Конституции СССР

1977 г., не было законодательного оформления подобного положения. Только Конституция СССР, принятая 7 октября 1977 г., впервые закрепила статус партии, назвав ее «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций...» [см.: Кукушкин, Чистяков, с. 319].

В условиях полновластия Коммунистической партии сложилась и система партийных привилегий. Данная тема в последние годы привлекла внимание исследователей. Следует отметить работы А. Б. Коновалова [см.: Коновалов], О. Н. Калининой [см.: Калинина], А. В. Шумского [см.: Шумской], Е. В. Туфанова [см.: Туфанов], В. Сушкова [см.: Сушков]. Но в то же время данная проблема недостаточно изучена в региональном аспекте. Целью нашего исследования является уточнение, как происходило складывание системы привилегий и льгот партийно-советского актива в 1930–1940-е гг. на примере Челябинской области.

В Советской России привилегии партийным и советским работникам самого высокого уровня давались сразу же после захвата большевиками власти в октябре 1917 г. Был создан Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод) – жестко централизованный аппарат с собственной разветвленной структурой (продкомиссары, продотделы и продуправления), имевший свои вооруженные формирования (продовольственные отряды) для реквизиции хлеба и других продуктов питания у крестьян. Наряду с разными категориями пайков (академическим, красноармейским, рабочим) для высших партийных и советских работников были учреждены так называемые ответственные пайки. В условиях Гражданской войны красноармейский паек с осени 1918 г. вышел в лидеры по весу, количеству и значимости. Вскоре его распространили на сотрудников ЧК, милиции, рабочих крупных оборонных предприятий и всех партийных, советских и комсомольских функционеров до уездного уровня включительно. Естественно, красноармейский паек получали наркомы и члены ЦК, но при этом в виде бонуса они имели и «ответственный паек».

Существование последнего тщательно скрывалось. В то же время при Ленине декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г. был введен партмаксимум – размер максимального жалования члена ВКП(б), который устанавливал, что зарплата ответственных работников не должна превышать 150 % от уровня средней зарплаты в подконтрольных им учреждениях и предприятиях. XII партийная конференция РКП(б), проходившая 4–7 августа 1922 г., уже законодательно утвердила систему привилегий для работников партийного и советского аппарата. Для этих целей предполагалось использование средств из госбюджета [КПСС в резолюциях..., 1983, т. 2, с. 397–398].

С укреплением власти Сталина и складыванием бюрократической системы власти партноменклатуры 8 февраля 1932 г. секретным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) партмаксимум был отменен. Полуофициальная система привилегий в 1930-е гг. приняла законченный вид с отменой карточной системы. Государство гарантировало своим партийным и советским ответственным работникам жалование и гарантию возможности приобрести на него некий набор благ. В условиях дефицита эти гарантии реализовывались с помощью специальных распределителей, в которые имела доступ только партийная номенклатура и определенные категории служащих. Система спецраспределения с тех пор стала составной частью привилегий номенклатуры в советском обществе.

Привилегии распространялись в целом на всю номенклатуру, как отмечал М. Восленский, на этот реально господствующий слой Советского государства [см.: Восленский, с. 113]. Сюда включались, кроме партийных, работники советских, комсомольских органов, аппарата органов охраны безопасности (ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ), руководители предприятий, общественных организаций. Мы используем общее понятие «партийно-советский актив».

Формирование системы привилегий партийно-советского актива рассмотрим на примере Челябинской области. Необходимо отметить, что вопросы привилегий партийно-советскому активу никогда открыто не ставились, решения по ним принимались в обстановке строгой секретности. Все документы хранились в так называемой Особой папке Челябинского обкома ВКП(б). На них стоял гриф «Не подлежит оглашению», «Строго секретно (из Особой папки). Подлежит возврату в 24 часа» или «Секретно. На голосование вкруговую». Это означало, что решение могло приниматься методом опроса членов бюро, а после ознакомления исполнитель должен был возвратить документ в обком ВКП(б).

Вопрос о привилегиях, как и любой другой вопрос, мог решаться только органами, имевшими на это полномочия. М. Восленский, исследовавший этот вопрос, отмечает: «Центрами принятия решений класса номенклатуры являются не Советы, столь щедро перечисленные в Конституции СССР, а органы, которые в ней не названы. Это партийные комитеты разных уровней: от ЦК до райкома КПСС» [Там же, с. 120]. Основанием этого было реальное право партийных органов распоряжаться финансами. Любой партийный орган на своей территории, на своем уровне мог принять решение по финансовому вопросу. Деньги местного бюджета свободно направлялись на партийные нужды. Так, бюро Челябинского обкома ВКП(б) своим решением от 31 декабря 1934 г. (протокол № 42)

«О содержании курсов марксизма» направило 100 тыс. руб. на расходы по организации питания слушателей курсов марксизма. Интересна сама формулировка принятого решения: «Принять предложение т. Дичева (заведующий областного финансового отдела облисполкома – облФО. – Р. Х.) о выделении из местного бюджета за счет неиспользованных средств на партийное просвещение 100 тыс. руб. на расходы по организации питания слушателей курсов марксизма» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 1, л. 267].

Бюро обкома ВКП(б) держало под постоянным контролем данный вопрос и при поступлении сигналов принимало оперативные меры по устранению нарушения. Так, 1 декабря 1934 г. (протокол № 39) бюро Челябинского обкома ВКП(б) принимает решение «О снабжении работников политотделов». Было отмечено наличие перебоев в снабжении работников политотделов по линии НКВД («пайки выдаются с большим опозданием и не выдаются все полагающиеся продукты»). На начальника Управления НКВД тов. Минаева был возложен контроль за своевременным и бесперебойным снабжением работников политотделов. В решении было записано:

«...2. Предложить Промторгу ежемесячно отправлять продуктовые посылки секретарям райкомов, председателям райисполкомов, начальникам политотделов.

3. Включить семьи политотдельцев на снабжение райактива. Обязать Облвнуторг (тов. Кочнева) ежемесячно по заявкам политсектора отпускать продукты и военные пайки и обеспечить выдачу, принять необходимые меры... наложив взыскания за виновных в перебое снабжения» [Там же, л. 58].

На бюро обкома рассматривались и вопросы отдыха партийных работников. 2 мая 1934 г. бюро Челябинского обкома ВКП(б) принимает решение «О доме отдыха Обкома». В решении было записано: «Считать необходимым строительство однодневного дома отдыха для областного партийного актива по особо утвержденному обкомом списку. Этот дом должен быть построен примерно на 15 комнат. Дом должен быть обеспечен культурными развлечениями и местом для стоянки машин» [Там же]. Местом для строительства был определен берег оз. Смолино на окраине Челябинска. Сразу же последовало решение бюро обкома ВКП(б) о перечислении с областного бюджета резерва на особый текущий счет в банке 164,6 тыс. руб. для строительства дома отдыха [Там же, л. 65]. Решение подписал первый секретарь обкома ВКП(б) К. В. Рындин. Также было принято отдельное постановление по утверждению списка имеющих право пользоваться домом отдыха в Смолино – всего 36 человек.

Это были члены бюро обкома, члены оргкомитета (Челябинская область только была создана и шла организационная работа по формированию органов власти) и кандидаты в члены бюро, ответственные секретари президиума, заведующие отделами обкома [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 1, л. 151, 152].

Средства областного бюджета выделялись на проведение различных совещаний партийного актива. Так, бюро обкома ВКП (б) 2 июля 1935 г. (протокол № 59) утвердило смету расходов в сумме 17 820 руб. на проведение совещания партактива. В принятом постановлении было записано: «Обязать облисполком, тов. Советикова (председатель облисполкома. – *Р. Х.*), выделить средства в сумме 5 000 рублей, облЗУ (земельное управление) – 4 000 рублей, зернотрест – 3 000 рублей, уполкомзаг (уполномоченный комитета по заготовкам) – 3 000 рублей, Заготзерно – 3 000 рублей» [Там же, л. 422, 423].

Бюро Челябинского обкома ВКП(б) своим решением от 14 октября 1935 г. на проведение совещания секретарей РК ВКП(б) утверждает смету расходов в сумме 17 490 руб. и одновременно записывает: «В связи с тем, что основным вопросом является вопрос “О завершении сельхозработ”, обязать облисполком выделить 8 745 рублей (т. е. половину суммы по смете. – *Р. Х.*) по возмещению расходов по совещанию» [Там же, л. 483]. Смета предусматривала расходы на театр, автобус, питание по 19 руб. в день на одного человека [Там же, л. 486].

Из бюджета области использовались деньги и для проведения партийных пленумов. Так, например, бюро обкома ВКП(б) в своем решении от 4 апреля 1935 г. (протокол № 49) «О выделении средств на орграсходы по проведению пленума» записывает: «1. Предложить облФО, тов. Дичеву, ассигновать 31 000 рублей на орграсходы по проведению пленума. 2. Обязать Облисполком – т. Попова – произвести оплату всех счетов, связанных с расходами по подготовке пленума» [Там же, л. 349].

Смета расходов на проведение пленума продолжительностью четыре дня и с участием 300 человек (приезжих – 200 чел. и 100 чел. – местных) включала: питание из расчета 11 руб. в день на одного участника, всего 13 200 руб., буфет для президиума – 4 250 руб., автобусы для поездки на ЧТЗ и один автобус круглосуточно – 4 950 руб., общежитие – 3 тыс. руб., кроме этого, аренда помещения – 1 600 руб., печатание мандатов – 500 руб., газета для участников пленума – 500 руб., оплата машинисток – 1 300 руб. [Там же, л. 351].

После того как 17 января 1934 г. была образована Челябинская область, началась реконструкция здания бывшего отделения Государствен-

ного банка Российской империи (ул. Рабоче-Крестьянская, 29, а с декабря 1934 г. – ул. Кирова, до революции Уфимская) под здание обкома партии. На приобретение мебели и оборудования постановлением бюро обкома от 15 марта 1935 г. (протокол № 48) было направлено 325 тыс. руб. из средств областного бюджета [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 1, л. 351].

В то же время обком ВКП(б) обращался в советские органы с требованием возмещения денег, которые были израсходованы из партийного бюджета. Так, заведующий финансово-хозяйственным сектором обкома ВКП(б) Гимельфарб и главный бухгалтер Максимов в письме ОблЗУ, тов. Александрову, от 21 июля 1934 г. пишут о том, что были произведены расходы по посевной кампании за март в общей сумме 84 748 руб. 58 коп. («бензин, передача телеграмм, командировки, за продукты тов. Снегову») и добавляют в конце письма: «перечисление просим не задерживать, так как средства нами израсходованы из партийного бюджета» [Там же, л. 177]. Такие же обращения были направлены обкомом ВКП(б) в оргкомитет Советов на 62 001 руб. 53 коп., «возместить в срок до 20.10.1934 года»; Уполкомзаг СНК – 73 758 руб. 29 коп. к 20.10; Зернотрест – 4 979 руб. 03 коп. к 20.10; облЗУ – 61 065 руб. 70 коп. за уборочную кампанию октябрь–ноябрь [Там же, л. 200, 201, 204, 278].

Для партактива в Челябинске действовала отдельная столовая. Бюро обкома постоянно держало работу столовой под контролем и при необходимости принимало решение об оказании ей финансовой помощи. Для финансирования расходов на обслуживание партактива использовалась следующая схема: заведующий Челябинского областного финансового управления Дичев в январе 1937 г. обращается к тов. Рындиному и тов. Советикову: «Докладываю Вам, что мы имеем сообщение Наркомфина о разрешении нам израсходовать в январе месяце на социально-бытовые нужды 36 тыс. руб. По дому отдыха партактива расходы должны производиться в январе в пределах декабрьских ассигнований. В соответствии с этим прошу принять приложенный проект постановления» [Там же, д. 2, л. 452]. Бюро обкома приняло решение задействовать коммунистов, работающих в советских органах, для проведения в жизнь своего решения по финансам. Бюро обкома ВКП(б) в решении от 16 января 1937 года (протокол № 167) указало: «Предложить партгруппе облисполкома: 1. Профинансировать в январе месяце по местному бюджету дома отдыха партактива в размерах декабрьских ассигнований. 2. На дотации столовой областного партактива выделить 30 тысяч рублей и остальные 6 тысяч рублей отпустить в распоряжение облисполкома для выдачи пособий» [Там же, л. 453].

Это было обычной практикой, когда принимаемые обкомом решения проводились через коммунистов, работающих в советских органах, через партгруппу. Для подтверждения этого можно привести постановление партгруппы при Президиуме Челябинского областного исполнительного комитета от 25 сентября 1936 г. «О распределении дополнительных ассигнований на улучшение бытовых учреждений, состоящих на местном бюджете». Под постановлением партгруппы стоят подписи Советикова, Дичева, Симонова (заведующий советско-торговым отделом Челябинского обкома ВКП(б)). По этому постановлению отпущенные дополнительные ассигнования, согласно постановления Совета народных комиссаров РСФСР от 11 сентября 1936 г., протокол № 1281, на улучшение бытовых условий составили 142,9 тыс. руб., в том числе:

1. На дотацию закрытой столовой лит. «А» – 100,0 тыс. руб.
2. Облесполком – 15,0 тыс. руб.
3. Облземуправление – 7,0 тыс. руб.
4. Облплану – 4,0 тыс. руб.
5. ОблФО – 5,0 тыс. руб.
6. ОблОНО – 4,0 тыс. руб.
7. Облздравотдел – 3,0 тыс. руб.
8. Облместпром – 3,0 тыс. руб.
9. Облколхозу – 2,0 тыс. руб.
10. Дивизии – 9,0 тыс. руб.
11. Челябингорсовет – 5,0 тыс. руб.

Долг нарпиту – 13,0 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 946].

Одним из пунктов данного решения было: «Дополнительно отпущаемые средства 142,9 тысяч рублей покрыть за счет остатков бюджетных средств по собственному областному бюджету» [Там же, л. 947].

Улучшение бытовых условий партийно-советского руководства также происходило за счет областного бюджета. Привлекает внимание еще один пункт из данного решения: «Предложить областным отделам немедленно закрыть внебюджетные средства, на которых хранятся “особые секретные” и “операционные” фонды, предназначенные на эти нужды имеющиеся средства перечислить в доход областного бюджета по счету № 913 в госбанке» [Там же]. Из этого следует, что областные отделы имели возможность создавать и оперировать средствами «секретных» фондов, что позволяло им свободно использовать их в своих целях.

Бюро обкома ВКП(б) на заседании от 13 апреля 1937 г. (протокол № 178) рассматривает вопрос «О лечебной помощи партактива и соцбытовых расходах» и принимает решение выделить на содержание дома

отдыха «Увельды» 600 тыс. руб., на содержание дома отдыха «Еткуль» – 275 тыс. руб., на содержание дач – 150 тыс. руб., на приобретение путевок на центральные курорты – 200 тыс. руб., на дотации в столовой – 293 тыс. руб., в том числе в Челябинске – 30 тыс. руб., Магнитогорске – 25 тыс. руб., отделах облисполкома – 48 тыс. руб., Златоусте – 10 тыс. руб., на единовременную помощь – 32 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 665]. Дом отдыха «Смолино» к тому времени был ликвидирован, его помещения стали использоваться под дачи для партактива. Но вместо одного дома отдыха появилось два.

Для сравнения отметим, что положение с обеспечением продовольствием населения в Челябинской области в тот период было крайне тяжелым. Так, бюро обкома ВКП(б) в своем решении от 26 июня 1934 г. (протокол № 22) отмечает многочисленные случаи заболевания септической ангиной из-за употребления населением проса, перезимовавшего под снегом на полях и обязывает опубликовать в районной печати следующее сообщение: «Облздравотдел разъясняет гражданам, что употреблять это просо в пищу нельзя» [Там же, д. 1, л. 121].

Факт обращения к газете говорит о масштабе данного явления и о количестве заболеваний с последующей смертностью. Еще пример: начальник Управления НКВД по Челябинской области старший лейтенант госбезопасности И. Блат и начальник 4-го отдела УНКВД Челябинской области Лапшин 10 апреля 1937 г. в спецсообщении обкому ВКП(б) «О продовольственных затруднениях в Каргапольском районе Челябинской области» отмечают: «На почве недостаточности продовольствия в некоторых селах и колхозах Каргапольского района имеют место случаи смерти колхозников и единоличников и их детей. Отпущенные району фонды хлеба для торговли не покрывают потребности населения... В колхозе “Самолет” Тамакульского с/совета от истощения в семье колхозницы Накасиной Анны 30.03 сего года умерла 3-х летняя девочка. У колхозника Ершова умер мальчик 11 лет... В колхозе “Пролетарий” Шляпниковского сельсовета в марте из-за недостатка хлеба колхозники смешивают муку с опилками, березовой корой и картофельной ботвой. Отдельные семьи (Чаринцевой Татьяны, Чаринцева Петра и др.) сидят совершенно без хлеба по 2–3 дня» [Там же, д. 2, л. 643, 646, 648].

На заседании бюро обкома ВКП(б) от 22 апреля 1937 г. (протокол № 179) отмечено: «На основе материалов НКВД и прокуратуры установлено, что вследствие благодушия районных руководителей в Шатровском районе имели место три случая людоедства и имеют место факты истощения ряда семей на почве недостатка хлеба» [Там же, л. 681].

Для принятия мер бюро обкома командировало председателя облисполкома Советикова в Шатровский район. 13 мая 1937 г. решением бюро обкома ВКП(б) Шатровскому району в числе других районов было выделено 8 тыс. пуд. зерна, а всего районам области – 50 тыс. пуд. зерна [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 803]. Для сравнения: в Шатровском районе в 1939 г. проживало 30 586 чел., получается, что Шатровскому району на одного человека было выделено по 4 кг зерна [см.: Шатровский район].

Тяжелое положение с хлебом было повсеместным явлением. Бюро обкома ВКП(б) 28 декабря 1936 г. рассмотрело просьбу Челябинского горкома ВКП(б) и г. Магнитогорска о выделении дополнительных нарядов на муку на декабрь для Челябинска – 749 т, для Магнитогорска – 180 т [Там же, л. 1029]. 25 апреля 1937 г. секретариат обкома ВКП (б) рассмотрел вопрос «О продовольственном затруднении в Белозерском районе» (протокол № 179) [Там же, л. 766, 1301]. Бюро Челябинского обкома партии регулярно принимало решения по этому вопросу.

Для партийных работников строилось жилье улучшенного качества. Так, в Челябинске был построен семиэтажный дом для работников обкома и облисполкома (по адресу: ул. Спартака, ныне пр. Ленина, 54/ул. Цвиллинга, 36). Его начали строить осенью 1934 г. и закончили летом 1938 г. Дом включал 120 квартир с 3–4 комнатами и полезной площадью 47 и 65 кв. м., с кухней, ванной, туалетом, центральным отоплением, горячим водоснабжением, канализацией, в доме имелся лифт. Внизу был размещен гастроном – самый крупный в городе. Дом находился посередине между зданиями обкома партии и облисполкома и до работы ответственным партийным и советским работникам можно было дойти за пять минут. В 1934 г. в Челябинске началось строительство жилого квартала для работников НКВД, известного как Первый городок чекистов (ул. Спартака – ныне пр. Ленина, Сони Кривой, Красная, Свердловская – ныне Свердловский проспект).

В это время жилищные условия в быстро развивающемся Челябинске были особенно тяжелыми. Жилая площадь в городе к началу 1929–1930 гг. составляла 330,4 тыс. кв. м, что при населении 70 тыс. человек равнялось в среднем 4,7 кв. м на человека. Каменные здания составляли всего 3,7 % жилого фонда, большинство домов в городе были одноэтажными и деревянными. В санитарно-гигиеническом отношении город занимал одно из последних мест среди остальных городов Урала. Предприятий общественного пользования (водопровода, канализации, бань и др.) не было [см.: Российский сплав, с. 11]. В городе шло строительство нескольких заводов. Так, например, жилищные условия строителей и рабочих

Челябинского завода ферросплавов характеризовались следующим образом: «Многие из них возводили и сколачивали себе землянки-временки, домики из шпал, образуя поселок Самстрой... Всего же на Верхней и Нижней площадках – городках комбината – в 177 бараках-арочниках и шлаконасыпных домах ютились тысячи людей» [Российский сплав, с. 65].

Кроме всего прочего, работники партийных органов имели возможность при необходимости получать деньги на лечение и питание. Так, секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б) Р. М. Хитаров обратился в обком ВКП(б) с просьбой о дотации на лечение и питание партактива. Бюро обкома ВКП(б) от 17 октября 1935 г. (протокол № 73) удовлетворяет данную просьбу и выделяет из местного бюджета для лечебной комиссии 20 000 руб. и 15 000 руб. на питание партактива [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 1, л. 288].

Партийные работники регулярно обращались в секретариат обкома ВКП(б) с заявлениями о предоставлении материальной помощи. Только в течение 1937 г. была оказана помощь секретарю Ольховского райкома ВКП(б) Елкину в размере 500 руб., секретарю Камышловского райкома Гусеву – 700 руб., инструктору Юргамышского райкома Кононову – 400 руб., заведующему отделом руководящих кадров Биренбаум – 1 тыс. руб., секретарю Курганского райкома Гайнцеву – 800 руб., секретарю Тракторозаводского райкома Кричевскому – 800 руб., секретарю Талицкого райкома Бакунову – 450 руб. [Там же, д. 2, л. 1487, 1490, 1478, 1482, 1504, 1510, 1514].

Деньги выделялись по разным поводам. Так, заместителю секретаря парткома Златоустовского инструментального завода Чуйкову была оказана материальная помощь в связи с его поездкой на лечение, тов. Апасову (в то время первый секретарь Златоустовского горкома ВКП (б)) в связи с кражей из квартиры одежды и других вещей выдано 2 000 руб. [Там же, л. 843, 848].

Отметим, что средняя заработная плата рабочего в стране в середине 1930-х гг. составляла 150–200 руб., пенсия – 25–50 руб., причем пенсии по старости получали далеко не все категории населения. К тому же рабочие и служащие ежегодно были обязаны подписываться на государственные займы в размере двух-четырёхнедельного заработка [см.: Тимошина, с. 276].

Для партийно-советского актива в СССР была создана отдельная система лечения и оздоровления. 18 февраля 1919 г. нарком здравоохранения Н. А. Семашко подписал «План организации санитарного надзора Кремля», а в областях, краях и республиках были созданы лечебные

комиссии (лечкомиссии) при отделах и управлениях здравоохранения. Своей больницы и поликлиники партийно-советский актив Челябинской области не имел, и потому лечился в санчасти Управления НКВД, где имелся стационар на 25 коек. На 1936 г. лечебная комиссия облздравотдела выделила 350 тыс. руб. из местного бюджета на поликлинику, помощь на дому и стационарное лечение по договору [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 688].

Это было только одной из статей сметы расходов на мероприятия лечебной комиссии. Смета в целом предусматривала расходы в сумме 2 млн 823 тыс. руб., в том числе на санаторий «Сунгуль» – 300 тыс. руб.; дом отдыха «Увельды» – 825 тыс. руб.; дом отдыха «Смолино» – 482 тыс. руб.; диспансерный пункт – 206 тыс. руб.; курортную помощь (путевки и проездные расходы) – 500 тыс. руб., дополнительную помощь – 100 тыс. руб.; содержание лечкомиссии – 60 тыс. руб. [Там же].

Для характеристики положения с медицинским обслуживанием населения области можно обратиться к некоторым документам, также находящимся в Особой папке. В 1934 г. в Челябинской области наблюдались вспышки брюшного и сыпного тифа – болезней, связанных прежде всего с голодом, разрухой, бытовой неустроенностью. Бюро обкома ВКП(б) на заседаниях от 20 ноября (протокол № 38) и 10 декабря 1934 г. (протокол № 39) рассматривал данный вопрос и отметил, что эпидемия брюшного и сыпного тифа зафиксирована в Челябинске, Златоусте, Магнитогорске, Уфалее, Шадринске, Талицком, Макушинском районах, на ЮУЖД и в частях Красной армии. В сентябре было госпитализировано только в Челябинске 134 чел., в октябре – 378, в ноябре – 563, в декабре – 964 чел. Решением бюро обкома создается чрезвычайная комиссия [Там же, д. 1, л. 222, 251].

15 июля 1936 г. начальник управления НКВД по Челябинской области, старший майор госбезопасности Минаев направляет записку в обком ВКП(б), где пишет: «Имеющиеся в распоряжении УНКВД по Челябинской области акты о естественном движении населения за первую половину года отмечают чрезвычайно высокий процент смертности и понижение рождаемости. В частности, в марте месяце смертность увеличилась более чем на 1 500 человек, а рождаемость снизилась на 2 000 человек. По отдельным населенным пунктам и целым районам смертность превышает рождаемость. Так, в гор. Сатка за первые 4 месяца 1936 г. родилось 331 человек, а умерло 351. В рабочем поселке Бакал за первые четыре месяца родилось 152 и умерло столько же. ...Неудовлетворительно поставлено стационарное лечение детей, так как в городе (Челябинск)

ощущается недостаток больничных коек. В городской больнице ежедневно отказывают в приеме на лечение примерно от 5 до 7 детей в среднем. Сама больница помещается в старом, совершенно непригодном помещении, рассчитанном максимум на 50 коек, а фактически в ней находится 80 коек, что лишает возможност[и] создать систему изоляторов для остальных больных. В таком же положении детское отделение больницы ЧТЗ, где имеется 70 коек, в том числе 40 коек для скарлатины, по городу Челябинск из 454 умерших детей в мае месяце – 231 смертный случай падает на детей до одного года... прошу вопрос об увеличении смертности поставить на рассмотрение на ближайшее заседание бюро обкома ВКП(б)» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 754–757].

Бюро обкома 27 июля 1936 г., рассмотрев записку Минаева, принимает решение (протокол № 135) о проведении в двадцатидневный срок обследования состояния медобслуживания во всех больницах и приведении их в состояние, отвечающее современным требованиям медицины и санитарии, в пятидневный срок укомплектовать лечебные заведения детскими врачами, к 1 сентября расширить стационары для детей [Там же, л. 750].

Для партийного и советского актива была организована отдельная система питания. Бюро Челябинского обкома ВКП(б) 20 апреля 1936 г. (протокол № 101) рассмотрело вопрос «О питании областного и городского партактива» и приняло решение: «1. Считать необходимым сохранить столовую № А с диетпитанием для основного областного и городского партактива при Челябинском Гортресте на 165 человек. 2. На питание в столовую включить следующих товарищей: членов бюро обкома, членов президиума облисполкома, заведующих отделами обкома, заместителей заведующих и инструкторов, членов партийной комиссии и партследователей, уполномоченных совконтролеров и ответственных контролеров, заведующих отделами и заместителей заведующих облисполкома и директоров крупных областных организаций, секретарей горкома и райкомов (город) и заведующих отделами, секретарей обкома ВЛКСМ, заведующих отделами и секретарей горкома комсомола и руководителей основных отделов Горсовета. 3. Установить стоимость обеда в столовой № А в 8 рублей при оплате самого столующегося 70 рублей в месяц. Допустить для 45 человек *по персональному списку право пользования обедами на дом* (курсив наш. – Р. Х.) (список прилагается). 4. Недостающую сумму в 120 тысяч рублей на II квартал на содержание столовой № А предложить партгруппе облисполкома покрыть за счет средств соцбыта, а также покрыть задолженность по столовой за I квартал в размере 79 тысяч рублей, из них 34 тысячи рублей – за счет сметы облздравотдела

через лечкомиссию (*лечебная комиссия*)... 6. Перевести столовую № А в помещение Обкома с 15.IV.» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 2, л. 678]. Ответственность за нормальную работу столовой и качество питания в столовой была возложена на тов. Звягельского, директора треста столовых. Ему же было предложено «весь *отсеянный контингент* (курсив наш. – Р. Х.) бывшей столовой партактива перевести в столовую № 1, добившись улучшения постановки питания в ней» «...по доступным ценам с максимальным сокращением накладных расходов». Отметим, что если до этого столовая помещалась вне здания обкома партии, то сейчас ее перевели внутрь. Это способствовало усилению закрытости системы снабжения.

Общий список прикрепленных к столовой № А составил 146 человек. Особо следует отметить, что в список наряду с партийно-советским и комсомольским активом были включены также корреспондент газеты «Правда» Попов, корреспондент газеты «Известия» Дублинский, редактор и зам. редактора газеты «Челябинский рабочий» Кортин и Кондаков, редактор молодежной газеты «Сталинская смена» Остапов, редактор газеты «Уральский большевик» Наильский, редактор газеты «Ленинская искра» Шманцер, командир дивизии Кулешов, облсуд – председатель Домбург, зам. председателя Калмыков, госбанк – управляющий Борвинский, областной прокурор Уманский, городской прокурор Масленников [Там же, л. 678, 681–684]. Таким образом, можно увидеть всеохватность системы льгот и привилегий.

В сельской местности все жители, независимо от того, колхозник или единоличник, уплачивали сельскохозяйственный налог. Однако партийно-советский актив освобождался от уплаты сельхозналога. Предполагалось, что они не ведут личное хозяйство и не имеют приусадебных участков. Райисполкомы ежегодно принимали такое решение об освобождении от уплаты налогов. Так, исполком Кузнецкого районного Совета депутатов трудящихся на заседании 9 июня 1947 г. принял постановление «О представлении к освобождению от уплаты сельхозналога на 1947 год руководящих работников района». Этим решением от уплаты налога были освобождены: первый, второй, третий секретари райкома ВКП(б), председатель райисполкома, его заместитель, ответственный секретарь райисполкома, все заведующие отделами райисполкома – 12 человек, заведующий оргинструкторским отделом райкома ВКП(б), заведующий отделом пропаганды и агитации райкома ВКП(б), заведующий военным отделом райкома ВКП(б), райуполминзаг (районный уполномоченный министерства по заготовкам сельхозпродуктов), судья, прокурор, началь-

ник отдела НКГБ, начальник отдела НКВД, начальник милиции, директор конторы «Главмолоко», председатель райПО, управляющий госбанком, всего 30 человек [Арх. Аргаяшского муниципального района, ф. 18, оп. 1, д. 1, л. 172(об)].

Привилегии партийно-советского актива реализовались также в неформальном порядке, по факту самого служебного положения. Так, бюро Челябинского обкома ВКП (б) 13 ноября 1946 г. (протокол № 531), рассмотрев вопрос «О сельскохозяйственной артели “Вперед” Красноармейского района», отметило: «Большинство руководящих работников района: секретарь райкома ВКП (б) т. Волошенко, председатель райисполкома т. Романенко, его заместитель Пушкарев, начальник районного отдела МГБ Лагунов, комендант спецссыльных Портнягин... находились в прямой материальной зависимости от председателя правления Лапова, брали в колхозе хлеб, кур, мясо-молочные и другие сельскохозяйственные продукты» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 42, д. 26, л. 80]. Эти действия квалифицировались как «самоснабжение». Если выявляли подобный факт, следовало наказание, но, как показывает практика, небольшое. Так, члену военного трибунала Южно-Уральской железной дороги, коммунисту В. И. Чупаченко за «самоснабжение» в 1943 г. был объявлен выговор без занесения в учетную карточку [ОГАЧО, ф. 3171, оп. 1, д. 3, л. 1].

Со временем система установленных льгот и привилегий лишь видоизменялась, но в основе своей сохранялась. Так, директивой Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 23 декабря 1947 г. отменялся бесплатный отпуск продовольствия и промтоваров руководящим партийным, советским и хозяйственным работникам. Но вместо этого дополнительно к зарплате руководителям выдавалось денежное довольствие. Эта прибавка не проходила по ведомости, а выдавалась отдельно, в конверте. В указанное время должностной оклад первых секретарей обкомов ВКП(б) и председателей облисполкомов, к примеру, составлял от 1 600 до 2 000 руб. в месяц. В то время заработок большинства квалифицированных рабочих или зарплата специалиста не превышали 800–1200 руб. в месяц, а среднемесячная зарплата по стране составляла 646 руб. [РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 113, л. 161–161 об.]. В 1950 г. зарплата колхозников в среднем по стране составляла: от зарплаты ИТР – менее 15 %, служащих – менее 30 %, рабочих сельского хозяйства – менее 50 % [Мамяченков, с. 2].

В 1950-е гг. система привилегий сохранялась. Так, на заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) 9 июня 1952 г. было принято постановление «Об организации спецполиклиники»: «Бюро обкома ВКП(б) считает необходимым для обеспечения нормального медицинского обслуживания

партийно-советского актива и их семей организовать при областной больнице спецполиклинику со стационаром, и в этих целях обязывает председателя облизполкома т. Бездомова Г. А. и председателя Челябинского горисполкома т. Беспалова А. Н. решить все организационные вопросы» [Сушков, с. 85–86].

Партийно-советский аппарат (номенклатура) в СССР в силу своего положения выполнял управленческие функции. Бесспорно, что повышение качества управленческих решений невозможно без материального стимулирования управленческих кадров в зависимости от квалификации и сложности выполняемой работы. В любой системе управления формируется система поощрения для работников. Но данная система должна быть открытой, гласной, объективной, понятной и должна быть утверждена законами, нормативными актами и положениями о стимулировании, льготах.

Из нашего исследования можно сделать вывод, что к началу 1950-х гг. завершилось оформление системы привилегий партийно-советского актива, которая включала ведомственные столовые, специальные дома отдыха, больницы, поликлиники, улучшенное жилье, материальную помощь.

Также можно выделить следующие особенности системы привилегий и льгот для партийно-советского актива (номенклатуры) на примере Челябинской области:

1. Всеохватность и всеобщность включения в систему получения льгот и привилегий работников всех структур власти: партийный, советский, профсоюзный, комсомольский аппарат, печать, армия, НКВД, руководители суда, прокуратуры, крупных предприятий, представители творческой и научной элиты.

2. Полная закрытость, отсутствие гласности. Никакой информации о привилегиях нигде не публиковалось, и это не было предметом открытого обсуждения, все решения по привилегиям проходили в документах под грифом «совершенно секретно».

3. Обособленность среды проживания. Для партийно-советского актива строились отдельные дома или даже целые кварталы в городе. Все спецстоловые, спецраспределительные пункты, спецмагазины, а затем уже и специальные торговые базы имели закрытый доступ и находились или внутри партийно-советских учреждений, или для входа в них необходимы были пропуска. Полная закрытость была характерна для партийно-государственных дач, домов отдыха, санаториев.

4. Консолидация номенклатуры на почве получения привилегий. Не выявлено ни одного случая отказа представителей номенклатуры

от установленных для них привилегий. Системой льгот и привилегий пользовались и работники контрольных органов (партийные комиссии, партследователи, советские контролеры, работники суда, прокуратуры).

5. Иерархичность системы. Было установлено четкое разделение по ступеням номенклатурной лестницы. Каждый мог получить только тот объем привилегий, который полагался ему на данной ступеньке лестницы.

6. Несоответствие и несоразмерность получаемых привилегий и льгот размеру, сложности, напряженности труда работников партийно-советского аппарата. Привилегии предоставлялись не по признаку объема и напряженности работы, а по признаку принадлежности к руководящему слою.

7. Использование незаконных способов получения льгот (принадлежность к общему кругу номенклатуры позволяла решать вопросы получения дефицитных товаров, услуг по телефону или через личные неформальные встречи, это исключало вообще всякое документирование или иное оформление). Осуществление привилегий, получение дефицитных товаров часто происходило через личного водителя, супругу или родственников.

8. Решение вопроса о привилегиях принималось вне существовавшей системы советских законов. Оформление решений проводилось незаконными внутренними нормативными актами и решениями партийных, реже советских органов, в неформальном правовом поле. Финансирование привилегий в большинстве случаев происходило за счет государственного бюджета.

Восленский М. Номенклатура. М. : Захаров, 2005.

XII Всероссийская конференция РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1983. Т. 2. С. 573–599.

Калинина О.Н. Продовольственное и промтоварное обеспечение партийной номенклатуры Западной Сибири (середина 1940-х – начало 1950-х гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 200–208.

Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП (б) – КПСС в регионах Сибири (1945–1991) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2006.

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1987.

Мамяченков В. Н. Доходы и расходы колхозного крестьянства в 1954–1964 гг.: «Хрущевское десятилетие» в Свердловской области // Аграрное образование и наука. 2013. № 1.

ОГАЧО. Ф. 288 (Челябинский обком ВКП (б) – КПСС).

Российский сплав : К 70-летию пуска ЧЭМК. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд., 2001.
Сушков А. В. Костюм для первого секретаря обкома... Скандал в руководстве Челябинской области в 1952 г. // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2016. № 2. С. 81–102.

Тимошина Т. М. Экономическая история России : учеб. пособие / под ред. проф. М. Н. Чепурина. 18-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2015.

Туфанов Е. В. Быт и повседневная жизнь советского чиновника в 1920–1930-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. Ставропол. гос. агр. ун-т. 2017. № 2. С. 127–132.

Шатровский район [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 22.11.2018).

Шумской А. В. Региональная политическая элита РСФСР в 1950-е – начало 1969-х гг. : процесс становления и эволюции (на материалах Челябинской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2010.

УДК 94(47).084.9:327.5

Е. В. Каменская

«И НЕ ДРУГ, И НЕ ВРАГ»:
ЮГОСЛАВИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.
НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
И В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ
(по материалам Урала)¹

В статье рассматривается образ Югославии в печати СССР второй половины 1960-х гг. и его восприятие советскими гражданами. Анализируется влияние международной обстановки и, в частности, процессов внутри социалистической системы на презентацию Югославии. Основными источниками выступили публикации центральных и региональных газет («Правды», «Литературной газеты», «Советской России», «Труда», «Уральского рабочего», «На смену!»), а также материалы региональных архивов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Югославия, СССР, информационная кампания, советская пресса, общественное мнение, внешняя политика СССР.

Советско-югославские отношения имеют обширную историографию. Достаточно подробно изучен послевоенный период, в том числе такая масштабная проблема, как конфликт между Москвой и Белградом 1948 г.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216).